

В. М. Кудров

серия образование

Мировая экономика

Учебник

ЮСТИЦ ИНФОРМ

Валентин Кудров

Мировая экономика

«Юстицинформ»

2010

Кудров В. М.

Мировая экономика / В. М. Кудров — «Юстицинформ», 2010

ISBN 978-5-7205-1029-9

В учебнике рассматриваются актуальные вопросы мировой экономики: темпы и пропорции экономического развития, современное состояние экономики наиболее развитых стран мира, сопоставление их макроэкономических показателей, развитие интеграционных процессов. Анализируется хозяйственный опыт государств с переходной экономикой, большое внимание уделяется вопросам научно-технического прогресса, прогнозу хозяйственного развития до 2020 г. и экономическим реформам в России. Специфика издания состоит в том, что в нем сделан важный для России акцент на сопоставительный анализ проблем мировой экономики и экономики России. Учебник рассчитан на студентов, слушателей академий, центров по подготовке и переподготовке кадров, аспирантов, преподавателей, научных и практических работников.

ISBN 978-5-7205-1029-9

© Кудров В. М., 2010
© Юстицинформ, 2010

Содержание

Предисловие	5
Раздел I. Рыночная экономика	6
Глава 1 Общая характеристика мировой и зрелой рыночной экономики. Темпы и пропорции общественного производства	6
1.1. Основные признаки и модели современной капиталистической экономики	6
1.2. Темпы экономического роста	9
1.3. Отраслевые пропорции	10
1.4. Воспроизводственные пропорции	11
Выводы	15
Вопросы и задания для самопроверки	15
Литература	16
Глава 2 Экономическая эволюция стран Востока и Запада в ретроспективе[2]	17
2.1. Доиндустриальная эпоха	17
2.2. Генезис современного экономического роста	21
2.3. Тенденции и противоречия экономического роста в послевоенный период	23
Выводы	28
Вопросы и задания для самопроверки	28
Литература	28
Глава 3 Экономика США	29
3.1. Общая характеристика экономики	29
3.2. Темпы экономического развития	30
3.3. Производительные силы	31
3.4. Финансовая система	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Валентин Михайлович Кудров

Мировая экономика

Предисловие

Настоящий учебник подготовлен по курсу «Мировая экономика», который читается в экономических вузах и на экономических факультетах университетов Российской Федерации. Автор – профессор, доктор экономических наук, лауреат Государственной премии СССР, академик Академии экономических наук и предпринимательской деятельности России, ординарный профессор ГУ-ВШЭ, руководитель Центра международных экономических сопоставлений Института Европы РАН – ведет этот курс в течение многих лет на факультете мировой экономики и мировой политики ГУ-ВШЭ, в Академии народного хозяйства при Правительстве РФ. Им опубликовано 13 книг и более 350 научных статей по проблемам мировой экономики.

Проблематика по мировой экономике весьма широка, поэтому ученые и преподаватели обычно сосредотачиваются на определенном блоке вопросов.

Специфика настоящего издания состоит в том, что в нем основное внимание уделено сопоставительному анализу различных стран, разных социально-экономических систем Востока и Запада. Этот аспект особенно касается России: весь материал подается в сравнении стран Запада с Россией с целью извлечения полезного зарубежного опыта.

Автор поставил перед собой задачу дать последовательное и логичное изложение реальных процессов развития современной мировой экономики как в целом, так и по отдельным странам.

Значительное внимание уделено проблемам российской экономики, особенно хозяйственным реформам, трудностям переходного периода, который ныне переживает Россия. Дается прогноз экономического развития как стран Запада, так и России до 2020 г., анализируются основные факторы, определяющие динамику развития экономики в будущем. Именно в эти годы будут жить и активно работать основные читатели учебника – студенческая молодежь.

Поэтому уже сегодня попробуем хотя бы чуть-чуть заглянуть в свое будущее.

Знание современных проблем мировой экономики, особенно в сопоставлении с российской действительностью, совершенно необходимо как в области предпринимательской деятельности, межгосударственных отношений России с другими странами, так и для обычных поездок за границу с личными целями.

Раздел I. Рыночная экономика

Глава 1 Общая характеристика мировой и зрелой рыночной экономики. Темпы и пропорции общественного производства

Современная мировая экономика представляет собой систему экономических взаимоотношений разных стран и регионов мира, основанных на международном разделении труда. Уже нет мировой социалистической системы хозяйства, сформировавшей якобы свой особый мировой рынок, нет и так называемого третьего мира, также якобы противостоящего Западу. Однако главную роль в системе мировой экономики, или мирового хозяйства, играет группа стран, где уже создана **зрелая рыночная экономика** с ее механизмом конкурентной борьбы и внутренней самонастройки на научно-технический прогресс (НТП). Для зрелой рыночной экономики характерны высокий технологический уровень производства, высокая производительность труда, эффективность производства и сложившиеся оптимальные пропорции в экономике, высокий жизненный уровень населения.

Современная мировая экономика функционирует в условиях глобализации, которая представляет собой новый уровень и тип интернационализации производства. Сегодня страны и регионы мира тесно связаны между собой не только широкомасштабными товарными и финансовыми потоками, но и международным производством и бизнесом, информационными технологиями, потоками научных знаний, тесными культурными и иными контактами. Резко возросла взаимозависимость отдельных стран и регионов в мировой экономике.

Но глобализация встречает сопротивление со стороны определенных групп людей, не всегда грамотных и образованных, и это сопротивление подпитывается существующими в мире социальными, цивилизационными и религиозными различиями. Тем не менее глобализация – это естественное порождение и современная форма развития производительных сил, поэтому она не может быть ни отменена, ни разрушена. Ее развитие, следовательно, имеет объективный характер и способно преодолеть все препятствия, стоящие на ее пути. Во главе этого объективного процесса и стоят сегодня страны со зрелой рыночной экономикой.

1.1. Основные признаки и модели современной капиталистической экономики

Современная зрелая рыночная экономика реально существует прежде всего в странах – членах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), куда входят около сорока государств, в том числе США, Канада, Япония и Германия. Изучение опыта экономического развития этих стран позволяет сделать вывод, что зрелая рыночная экономика может быть только в условиях **зрелого капитализма**, т. е. общественного строя, прошедшего длительный исторический путь в направлении всестороннего развития товарно-денежных отношений, демократических институтов и политической системы. Причем развитие **товарно-денежных, или рыночных, отношений** стало на деле надежной базой для развития демократии, политических институтов, да и цивилизации в целом, что в конечном счете и обусловило повышение жизненного уровня населения (как в количественном, так и в качественном аспекте).

Реальной капиталистической системе (**реальному капитализму**) присущи три главных признака:

смешанная экономика при преобладании **частной собственности**;

распределение производимых товаров и услуг с помощью рыночного механизма, который выдает конкретные сигналы: капиталистам – на прибыль, трудящимся – на заработную плату, а потребителям – на цены;

высокий уровень **капитализации** доходов, которые направляются на прирост наличного капитала в материально-вещественной, денежной или иной физической форме, а также на прирост «человеческого капитала» в виде повышения уровня образования и знаний.

Именно объективный процесс возрастания **капитала** определяет характер экономической деятельности при капитализме.

Нетрудно понять, что названные признаки формируют вполне естественный мотивационный механизм развития производства и общества, их совершенствования. В условиях господства частной собственности и демократии всегда остается значительное место для других форм собственности – государственной, коллективной, акционерной, муниципальной и проч. Все дело в их сосуществовании и соревновании. Жизнь показала, что частная форма собственности в большинстве случаев более эффективна, чем другие. Встроенная в рыночный механизм сигнальная система создает четкие ориентиры предпринимателям на уровень нормы прибыли, которую они могут получить при инвестировании в той или иной отрасли или регионе, рабочим – на уровень оплаты труда на разных предприятиях и покупателям – на уровень цен в зависимости от места расположения торговой точки. Известно, что уровень заработной платы, скажем, за выполнение функций по пятому разряду слесарных работ весьма различен на разных предприятиях, а цены на одно и то же изделие заметно снижаются по мере удаления от центра города.

В отличие от капитализма реальной социалистической системе (**реальному социализму**) присущи 5 признаков:

господствующее положение государственной формы собственности;

централизованное, нерыночное распределение ресурсов; практическое отсутствие рынка и конкуренции; централизованное управление и планирование; фиксированные цены, устанавливаемые государственными органами.

Эти признаки формируют искусственный, заданный по команде «сверху», т. е. принудительный, административный, механизм развития производства и общества. Отсутствие у этого механизма элементов конкуренции и внутренней экономической мотивации к труду, т. е. механизма органического саморазвития, делает процесс совершенствования производства весьма проблематичным. Во всяком случае он зависит от команды и финансовых ресурсов, которые даются «сверху», «внизу» же находятся не самостоятельные и заинтересованные хозяева, а исполнители. Недаром большевики всегда стремились прежде всего к полному уничтожению частной собственности, рынка и конкуренции, к сверхцентрализации власти в одних руках и делали упор в планировании не на гармоничное развитие экономики, а на так называемые ведущие звенья и всерьез полагали, что страной может управлять даже кухарка, если дать ей всю полноту власти.

Анализируя опыт мирового развития, можно выделить пять наиболее типичных **моделей капиталистической экономики**, базирующейся на многообразии форм собственности.

Первая модель, используемая в США, построена на рыночных механизмах саморегулирования экономики, здесь низка доля государственной собственности и незначительно прямое вмешательство государства в процесс производства товаров и услуг. Главные достоинства этой модели:

большая гибкость экономического механизма, быстро ориентирующегося на меняющуюся конъюнктуру рынка;

высокая степень предпринимательской активности и ориентации на нововведения, обусловленная более широкими возможностями выгодного применения капитала.

Особенно результативна эта модель на высоком уровне развития производительных сил, в условиях большой емкости внутреннего и внешнего рынков и при высоком жизненном уровне населения.

Вторая модель, созданная после Второй мировой войны в Германии, Швеции и Франции, получила название социально ориентированной рыночной экономики. Ее характеризуют: активное воздействие государства на функционирование национального рыночного хозяйства;

сильная система социального обеспечения; значительный удельный вес государственной собственности. Считается, что эта модель обеспечивает достижение высоких конечных результатов лишь при строгом поддержании баланса интересов труда и капитала, хотя она относительно менее гибкая и

слабее реагирует на изменение экономической конъюнктуры, чем американская модель. В то же время в последние годы американская модель также становится все более социальной, а европейская – все более рыночной.

Третья модель рыночной (капиталистической) экономики – японская. Ей свойственны: четкое и эффективное взаимодействие труда, капитала и государства (профсоюзов, промышленников, финансистов и правительства) в интересах достижения национальных целей; дух коллективизма и патернализма на производстве; внушительный упор на человеческий фактор.

Эта модель распространена в значительной части стран Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока и особенно ощущается в практике экономического роста так называемых азиатских молодых тигров – Сингапура, Тайваня и Южной Кореи.

Четвертая модель — латиноамериканская. Ее характеризуют: сильное и не всегда грамотное прямое вмешательство государства в экономику;

коррупция и даже криминализация общества, включая хозяйственные связи;

ориентация производства на удовлетворение спроса ведущих капиталистических стран, использующих три предыдущие модели экономики, на природные ресурсы и дешевую рабочую силу.

Пятая модель капиталистической экономики – африканская – также базируется на многообразии форм собственности и рыночных отношениях. В странах Африки, использующих эту модель, наблюдается прежде всего малограмотность и даже беспомощность в регулировании и управлении хозяйственными процессами на уровне как предприятий и фирм, так и государства в целом. Без помощи развитых капиталистических стран африканцы вряд ли вообще могут создать современную экономику.

Африканской экономике присущи:

нешадная эксплуатация неквалифицированного труда;

широкое применение силовых методов прямого вмешательства в производство «сверху»;

неразвитость трудовых отношений и демократии вообще;

крайне низкая эффективность.

Естественно теперь задать вопрос: а какую модель должна создавать российская экономика? Есть соблазн заявить, что наша модель может оказаться сродни латиноамериканской. Но на деле, думается, мы создаем собственную, именно российскую модель, которая помимо внутренне свойственных ей национальных черт вберет самое важное и полезное из моделей экономики других стран, в частности социальную направленность и последовательный либерализм.

1.2. Темпы экономического роста

Темпы роста экономики (или производства), отдельных ее отраслей или секторов характеризуются процентными ежегодными и среднегодовыми приростами, а также индексами, когда базовый год принимается за 100. Главным макроэкономическим показателем, используемым в мире для определения темпов роста экономики, служит **ВНП** или **валовой внутренний продукт (ВВП)**.

Напомним, что **ВНП** и **ВВП** являются конечным общественным продуктом, характеризующим результаты общественного производства за год. Разница между ними незначительна: она определяется в первом случае включением, во втором – исключением сальдо внешнеэкономических связей. Оба показателя исчисляются двояко: по производству и по использованию.

Произведенный **ВНП (ВВП)** представляет собой в общем виде сумму добавленной стоимости всех отраслей производственной деятельности, включая сферу услуг и внешнеторговое сальдо. Добавленная стоимость есть сумма заработной платы, прибыли и амортизации основного капитала (иначе: чистая продукция плюс амортизация).

Использованный **ВНП** представляет собой сумму фондов капиталовложений, потребления (населения и государства) и сальдо внешнеэкономических связей. Именно использованный **ВНП (ВВП)** чаще всего берется в качестве главного макроэкономического показателя для исчисления темпов экономического роста той или иной страны.

Для правильного понимания вопроса о темпах экономического роста важно иметь в виду количественную и качественную его стороны. В настоящее время типичная количественная оценка среднегодовых темпов роста экономики главных капиталистических стран составляет около 3 %. Много это или мало? Однозначного ответа на этот вопрос нет: это меньше и даже мало по сравнению с темпами экономического роста данной группы стран, скажем, на протяжении XIX в., мало по сравнению с высокими темпами роста многих развивающихся стран (КНР, Индии, Индонезии, Малайзии и др.), но совсем немало и скорее много с учетом качественного содержания рассматриваемых темпов.

С количественной точки зрения можно даже говорить о замедлении темпов роста экономики главных капиталистических стран в рамках долгосрочной исторической ретроспективы. Но с качественной точки зрения все обстоит иначе.

На ранней стадии развития капиталистической (рыночной) экономики происходило, по существу, первоначальное накопление капитала, экономически осваивались огромные территории, проводилась широкая индустриализация всего хозяйства. Этому периоду соответствовал **экстенсивный тип развития**, когда оно шло в основномвширь. Однако с течением времени, по мере достижения все большей экономической зрелости, происходил переход от экстенсивного к **интенсивному типу экономического роста**, когда на передний план стали выступать уже не столько интересы количественного наращивания объемов производимой продукции без серьезного повышения ее качества, сколько интересы развития вглубь по линии совершенствования качества и разнообразия предлагаемой на рынке продукции. Ясно, что интенсивный тип экономического роста опирается прежде всего на научно-технический прогресс и спрос на него возрастает. Поэтому современные темпы экономического роста на уровне порядка 3 % в год – совсем не низкие темпы.

Можно утверждать, например, что темпы экономического роста в условиях интенсивного типа развития, равные 3 %, не ниже темпов экономического роста в условиях экстенсивного типа развития, равных 5–6 %. Механическое и бездумное сравнение цифр, относящихся к качественно разным типам развития экономики, может привести к заведомо неверным выводам.

Именно это и имело место в бывшем СССР, руководители которого выдвинули амбициозную политическую задачу «догнать и перегнать» экономику США и весь расчет строили на якобы низких интенсивных среднегодовых темпах экономического роста США (2,5 %) и высоких, но экстенсивных среднегодовых темпах экономического роста СССР (10 %). Результат столь ошибочного подхода известен.

Далее, говоря о темпах экономического роста развитых капиталистических стран, надо всегда иметь в виду циклический характер рыночной экономики. Экономика данной группы стран проходит несколько фаз в своем циклическом развитии: подъем, затем спад (или кризис), депрессию и оживление, потом опять подъем (но это уже начальная фаза следующего цикла) и т. д.

Для периодизации темпов экономического роста лучше всего ориентироваться на одноименные фазы цикла и год подъема в данном цикле сравнивать по темпам роста с годом подъема в предыдущих циклах. Но на практике так не всегда получается, хотя в послевоенный период американская экономика, например, прошла уже семь циклов в своем развитии.

Не следует думать, что кризисные фазы **экономического** цикла характеризуются лишь падением производства и регрессом экономики. У кризисов есть и обратная, точнее, скрытая сторона: санация производственных предприятий; избавление от менее качественных ресурсов (оборудования и рабочей силы); замена их новыми, более качественными; перестройка направлений НТП.

1.3. Отраслевые пропорции

Темпы роста производства по отдельным отраслям народного хозяйства и промышленности очень разнятся между собой. Одни отрасли растут быстрее среднего уровня, другие – медленнее. Поэтому все время происходят изменения в соотношении удельных весов, или долей, которые занимают отрасли в макроэкономических показателях.

Отраслевые пропорции представляют собой соотношения удельных весов отдельных отраслей. По ним можно определить характер и тенденции отраслевых структурных сдвигов в экономике. Например, отчетливо себя проявила тенденция к сокращению удельного веса отраслей, производящих первичное сырье, т. е. сельского хозяйства и добывающей промышленности. Когда-то доля сельского хозяйства в ВВП (или ВВП) многих стран мира была не просто преобладающей: ее доля достигала 60–80 %. Ныне в развитых капиталистических странах она колеблется в пределах 2–10 %. Так, в ВВП США доля сельского хозяйства составляет менее 2 %, и при этом страна производит такой гигантский объем сельскохозяйственной продукции, который позволяет удовлетворять потребности не только 300 млн американцев, но и еще 100 млн человек за рубежом, поскольку США являются крупным экспортером этой продукции. Сокращается и доля добывающей промышленности. Сельское хозяйство и добывающая промышленность образуют так называемые **первичные отрасли**.

Вторичные отрасли – это обрабатывающая промышленность, электроэнергетика и строительство, использующие первичное сырье. Суммарная доля этих отраслей тоже снижается, но не так динамично, как доля отраслей первичного сектора. При этом растет лишь доля электроэнергетики. В целом же вторичный сектор в отраслевой структуре ВВП главных капиталистических стран занимает 20–35 %.

И наконец, оставшаяся часть отраслей приходится на **третичный сектор**, куда входят не только обычная сфера услуг, включая финансы, страхование, образование, культуру, науку, здравоохранение, деловые и иные услуги, но также транспорт, торговля, связь. Удельный вес этой группы отраслей имеет долговременную и устойчивую тенденцию к росту. В принципе потребности общества во многих видах услуг безграничны, тогда как его потребности в материальных благах всегда упираются в какие-то границы. Скажем, потребить те или иные пище-

вые продукты или приобрести те или иные виды одежды или обуви в безграничных количествах просто невозможно. Но удовлетворять всегда быстро растущие потребности людей в новых знаниях, открытиях или изобретениях можно безгранично. Размер доли третичного сектора напрямую связан с уровнем экономического развития страны. Недаром самые развитые страны мира имеют сегодня постиндустриальное общество, постиндустриальную экономику, а развивающиеся страны пребывают на индустриальном уровне экономического развития.

В свое время К. Маркс и Ф. Энгельс не придавали услугам серьезного значения. Они исходили из примата *сферы материального производства*, ошибочно полагая, что только она создает ВВП (в то время говорили лишь о национальном доходе), *сфера услуг* его не производит, а лишь потребляет. Жизнь показала, что зрелая рыночная экономика все больше становится экономикой услуг, а доля сферы материального производства постоянно сокращается.

Большой интерес представляет отраслевая структура промышленного производства развитых капиталистических стран. Здесь особую роль играют ключевые отрасли – машиностроение, химическая промышленность, электроэнергетика. На эти отрасли приходится порядка 50 % всего промышленного производства и 60 % капиталовложений в промышленность, и их доли обычно растут. Такие же традиционные отрасли промышленности, как легкая и пищевая, занимают, как правило, 15–25 % всего промышленного производства, и их доля обычно снижается. Но особое место в отраслевой структуре современной промышленности стран со зрелой рыночной экономикой занимают сегодня новые, нетрадиционные, высокотехнологичные отрасли, напрямую связанные с микроэлектроникой, компьютерной техникой, информатикой, биотехнологией и т. д., или отрасли так называемой *новой экономики*. Доля этих отраслей, образующих своего рода мостик к передовой структуре промышленного производства XXI в., все время растет.

Комплекс новых, высокотехнологичных отраслей играет ныне роль не только генератора формирования будущей структуры промышленного производства, но и своего рода локомотива всей экономики. В XIX и первой половине XX в. на структурные сдвиги в производстве решающим образом воздействовали одна-две ведущие отрасли – металлургия, электротехническая, автомобильная промышленность, что было обусловлено строительством железных дорог, массовой заменой ленточных приводов на электроприводы и т. п. Сегодня такую функцию выполняет комплекс новых, высокотехнологичных отраслей, выпуск продукции которых растет в несколько раз быстрее, чем продукции традиционных отраслей.

В то же время нельзя недооценивать процессы реконструкции и модернизации традиционных отраслей промышленности, где с применением высоких технологий также происходит процесс их адаптации к новым условиям.

В целом же в процессе отраслевой структурной перестройки достигается относительная структурная сбалансированность всей экономики, т. е. адекватность уровней экономического развития разных отраслей, уровней управления и организации производства в них. Усиливается взаимозависимость и подогнанность друг к другу различных отраслей, секторов и сфер в экономике развитых капиталистических стран. При этом сокращение того или иного производства далеко не всегда означает «хуже», равно как и его рост не всегда означает «лучше». Сокращение или даже ликвидация устаревшего, нерентабельного производства служит лишь повышению эффективности экономики, и, наоборот, увеличение выпуска неперспективных изделий играет отрицательную роль, которая со временем элиминируется действием рыночного механизма.

1.4. Воспроизводственные пропорции

Изменение отраслевой структуры экономики происходит под влиянием долговременных тенденций, проявившихся в течение всего послевоенного периода. Динамика же воспроиз-

водственной структуры экономики главных капиталистических стран отличается в ряде случаев существенными изменениями по сравнению с прошлым.

Воспроизводственные пропорции в экономике представляют собой соотношения разных частей ВВП и факторов экономического роста. Это соотношения между накоплением и потреблением, фондом оплаты труда и ВВП, материальными затратами и ВВП, основным капиталом и ВВП, а также между двумя подразделениями общественного производства.

Рассмотрим каждую из этих пропорций в отдельности.

Пропорция между накоплением и потреблением обычно определяется долей фонда капиталовложений в ВВП. В США она составляет порядка 17–18 %, все остальное – это личное и государственное потребление. В советские времена считалось, что чем выше доля (норма) капвложений, тем выше темпы экономического роста. Но жизнь показала, что прямой зависимости здесь не просматривается. В Японии **норма капиталовложений** намного выше, чем в США. В 50—70-х годах

XX в. она росла беспрецедентными темпами и достигла 37–38 %, вдвое превысив уровень США. Правда, и темпы роста ВВП в Японии (11 % в год) были в несколько раз выше, чем в США. Затем темпы роста ВВП и норма капвложений в Японии стали снижаться. И в последние годы темпы роста производства в Японии ниже, чем в США, а норма капиталовложений выше. Страны Западной Европы занимают среднюю позицию: здесь норма капвложений составляет 20–28 %, да и темпы роста ВВП за длительный период были ниже, чем в США.

Важно рассмотреть «поведение» этой пропорции в США в исторически долгосрочном аспекте. Исследования показали, что в конце XIX в. норма капвложений в США превышала 22 % и затем снижалась. Сокращались и темпы роста ВВП, переходя от экстенсивного к интенсивному типу. Однако все это происходило на базе повышения эффективности капиталовложений, т. е. накопления, что заметно отличалось от Японии, где темпы роста ВВП в 1990-х годах сократились до 1 % в год, а норма капвложений снизилась в значительно меньшей степени. Еще более США отличаются в этом отношении от бывшего СССР, где была достигнута чуть ли не рекордная в мире норма капвложений, а темпы экономического роста постепенно скатились до нуля. Как видим, США имеют одну из наиболее эффективных в мире пропорций между потреблением и накоплением.

К пропорции между потреблением и накоплением примыкает вторая важная воспроизводственная пропорция – *доля фонда оплаты труда в ВВП (трудоемкость)*. Этот показатель заметно повысился во всех развитых капиталистических странах за многие последние десятилетия. В США, например, в 1929 г. доля фонда оплаты труда в ВВП составляла менее 60 %, в настоящее время – около 80 % (в бывшем СССР и в современной России – менее 50 %). Сказанное полностью опровергает известную марксистскую «теорию» абсолютного и относительного обнищания рабочего класса. На деле уровень жизни рабочего класса повышается практически со второй половины XIX в. в результате роста производительности труда и эффективности общественного производства, увеличения стоимости рабочей силы в связи с повышением ее квалификации, сложности самого труда и, конечно, НТП.

Жизнь показала, что только грамотный учет интересов трудящихся создает базу для получения прибыли. Тогда не будет никаких стачек и смут, не будет так называемых антагонистических противоречий между трудом и капиталом. Наоборот, будет достигнут социальный контракт между работодателями и наемными работниками.

Маркс и Энгельс основывали свою теорию обнищания рабочего класса на реальных фактах положения промышленного пролетариата Англии в начале XIX в., в период индустриализации и первоначального накопления капитала. Впоследствии же с развитием производительных сил, укреплением профсоюзов, демократических свобод и парламентаризма ситуация принципиально изменилась.

Справедливости ради надо сказать, что в конце XIX в., уже после смерти К. Маркса, Ф. Энгельс признал позитивные перемены в положении рабочего класса в Англии. Однако последующие марксисты-ленинцы не захотели обратить на это внимание. В статье «Англия в 1845 и 1895 годах» Энгельс писал:

«Теперь фабричные законы, бывшие некогда жупелом для всех фабрикантов, не только соблюдаются ими добровольно, но даже были в большей или меньшей степени распространены почти на все отрасли промышленности. Тред-юнионы, которые недавно еще считались исчадием ада, теперь стали пользоваться вниманием и покровительством фабрикантов как совершенно законные учреждения и как полезное средство для распространения среди рабочих здравых экономических воззрений. Даже стачки, которые до 1848 года преследовались, были теперь признаны подчас весьма полезными. Из законов, которыми рабочий лишился равенства в правах с работодателями, были упразднены по крайней мере самые возмутительные»¹. Далее Энгельс отмечает, что по меньшему счету две группы рабочих, а именно фабричные рабочие и члены крупных профсоюзов, существенно улучшили свое социальное положение.

Третья воспроизводственная пропорция – *соотношение между стоимостью материальных затрат и ВВП* — определяет **материалоемкость производства**. Во всех развитых капиталистических странах она снижается, особенно энергоемкость производства, т. е. затраты энергии на единицу ВВП.

Важнейшими факторами, обуславливающими снижение материалоемкости производства, являются: замена одних видов природного сырья другими, более эффективными, в том числе искусственными; более глубокая и комплексная промышленная переработка сырья; тенденция к миниатюризации техники; внедрение материалосберегающей техники и технологии; совершенствование организации производства; рационализация труда.

Следует также назвать такой фактор долгосрочного действия, влияющий на снижение материалоемкости производства, как широкое распространение микроэлектронной техники, которая позволяет контролировать процесс сгорания топлива в автомобильных двигателях, в отопительных установках, регулировать расход энергии и других видов сырья.

Четвертая пропорция – *соотношение между стоимостью основного капитала и ВВП*, т. е. **фондоемкость производства**. Напомним, что под основным капиталом понимается стоимость машин, оборудования и зданий, т. е. вещественных материальных ресурсов длительного пользования, применяемых для выпуска продукции. В отличие от материалоемкости производства, в отношении которой тенденция к снижению достаточно однозначна, динамика фондоемкости отличается определенной и закономерной переменчивостью.

Мировой опыт свидетельствует о том, что на этапе экстенсивного экономического роста, когда наблюдались сравнительно высокие его темпы, повышалась норма капиталовложений, рост основного капитала опережал рост ВВП. А это вело к увеличению фондоемкости производства, иными словами, к снижению эффективности использования основного капитала (что часто сопровождается снижением эффективности капиталовложений).

Совсем другое дело, когда экономика становится более зрелой, переходит к интенсивному типу функционирования. Здесь усиливают свою роль такие факторы, как экономичность, эффективность и научно-технический прогресс. Снижается норма капиталовложений, сокращаются темпы роста основного капитала. ВВП, несмотря на снижение темпов своего роста, начинает расти все же быстрее основного капитала, фондоемкость меняет свой тренд с повышательного на понижательный. В результате повышается эффективность использования основного капитала или снижается фондоемкость производства.

Перелом в характере динамики фондоемкости производства в США наступил в середине 20-х годов XX в. В странах Западной Европы и в Японии это произошло намного позднее,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 200.

лишь после Второй мировой войны, но и в том и в другом случае налицо важные поворотные пункты в развитии эффективности общественного производства.

Какие факторы определяют поворот к снижению фондоемкости производства? Ведь обратная сторона снижения фондоемкости есть рост **фондоотдачи**.

Первым таким фактором является *сокращение сроков строительства*. Чем быстрее сооружаются здания (прежде всего промышленного или вообще производственного назначения), тем меньше объем незавершенного строительства («незавершенки»), тем быстрее новые объекты вступают в действие и начинают окупать затраты на свое создание и приносить прибыль. Средние сроки строительства в промышленности США снижались многие десятилетия и в 1990-е годы составляли 20–22 месяца (в бывшем СССР – около 15 лет).

Вторым фактором снижения фондоемкости производства является *техническое и экономическое совершенствование орудий труда*, т. е. машин и оборудования. Речь идет о повышении скорости работы станков, более экономичной и рациональной обработке сырья, совершенствовании структуры станочного парка. В последнем случае обращает на себя внимание тенденция к повышению удельного веса станков-автоматов, полуавтоматов, станков с числовым программным управлением, гибких автоматических систем, линий и производств в структуре станочного парка. Все эти тенденции явственно прослеживаются во всех развитых капиталистических странах и отражают *капиталосберегающие направления* НТП. В конечном счете и они ведут к снижению фондоемкости, росту фондоотдачи, т. е. повышению эффективности использования основного капитала.

Пятая воспроизводственная пропорция – *соотношение между двумя подразделениями общественного производства*. Известно, что **I подразделение общественного производства включает производство средств производства**, т. е. машин, оборудования, производственных помещений, сырья и материалов, а **II подразделение – производство предметов потребления**.

Когда-то В.И. Ленин изобрел «закон» преимущественного роста I подразделения, под знаком которого и происходило затем все строительство реального социализма в СССР. Большевики считали этот «закон» чуть ли не вечным. Однако опыт развития главных капиталистических стран, да и всей мировой экономики в целом не подтвердил действенность такого «закона».

Поскольку новая машина, как правило, качественно лучше старой, новое производственное помещение также лучше старого, неуклюжего и утяжеленного здания, постольку нет никакого смысла в том, чтобы производство средств производства росло быстрее производства предметов потребления. Опять в дело вступают не количественные, а качественные факторы, которые и изменяют эту важную воспроизводственную пропорцию.

Решающее влияние на соотношение двух подразделений общественного производства оказывают материалоемкость и норма производственных капиталовложений. А так как в результате интенсификации хозяйственных процессов оба показателя в настоящее время снижаются, нет и объективной основы для постоянно опережающих темпов роста I подразделения. Более того, в результате действия указанных факторов зрелая капиталистическая экономика все больше ориентируется на продукцию

II подразделения, которая, являясь конечной продукцией, во все растущей степени определяет масштаб, структуру и качественные параметры продукции I подразделения. К этому следует добавить все возрастающее значение сферы услуг, стимулирующей рост прежде всего II подразделения.

Расчеты, произведенные на базе межотраслевых балансов главных капиталистических стран, показывают, что за послевоенные годы пропорция между двумя подразделениями общественного производства либо оставалась стабильной, либо отражала тенденцию к повышению доли II подразделения. Так, в США доля II подразделения в структуре совокупного обще-

ственного продукта (СОП – сумма валовой продукции отраслей материального производства) в послевоенный период составляла стабильно 39–40 %, в Великобритании – 43 %, а в Германии и Франции она повысилась за 1950–1980 гг. соответственно с 37 до 43 и с 43 до 48 %. В СССР же она была ниже – порядка 35–36 %, по официальным данным.

На ранних стадиях развития капитализма, при безудержной эксплуатации трудящихся, личное потребление находилось на самой низкой ступени иерархии общественных приоритетов. Лишь в процессе своего длительного исторического и социально-экономического развития капитализм создал гигантскую сферу личного потребления, превратив ее в весьма важное, даже ведущее звено цепи общественного воспроизводства.

Выводы

1. Существуют разные модели современной капиталистической экономики, в том числе американская, европейская, японская, латиноамериканская и африканская. Все они различаются степенью зрелости товарно-денежных отношений, уровнем экономического развития, демократизма и цивилизованности.

2. Капиталистической экономической системе в целом присущи три главных признака: преобладание частной собственности; распределение производимых товаров и услуг с помощью рыночного механизма; высокий уровень капитализации доходов.

3. Темпы экономического роста бывают экстенсивными и интенсивными. Отличительной чертой экстенсивных темпов роста экономики является прежде всего количественное расширение экономики без существенного изменения качества и разнообразия выпускаемой продукции. Экстенсивными темпами обычно развивается экономика, находящаяся на сравнительно низком уровне развития. Интенсивным темпам роста экономики присуще развитие не столько вширь, сколько вглубь за счет НТП, они связаны с серьезными качественными сдвигами в произведенной продукции и относятся к экономике, находящейся на высоком уровне развития.

4. Отраслевые пропорции характеризуют сравнительные доли отраслей в произведенном продукте (ВНП, промышленное или сельскохозяйственное производство и т. д.). Генеральная тенденция в динамике отраслевой структуры экономики заключается в снижении доли первичных (сельское хозяйство и добывающая промышленность), доли вторичных (обрабатывающая промышленность, энергетика, строительство) и повышении доли третичных отраслей (сфера услуг). В целом же удельный вес отраслей материального производства снижается, а постиндустриальная экономика становится «экономикой услуг».

5. Воспроизводственные пропорции характеризуют соотношения разных частей ВНП и факторов экономического роста, в значительной мере определяя «лицо» экономики.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Какими признаками характеризуется рыночная экономика?
2. Какие признаки свойственны командно-административной экономике?
3. Какая из названных двух экономик эффективнее и почему?
4. Какие бывают темпы экономического роста?
5. Что такое отраслевые пропорции и в чем смысл их изучения?
6. Каковы закономерности изменения отраслевых пропорций в экономике?
7. Что такое воспроизводственные пропорции в экономике и в чем смысл их изучения?
8. Сравните западные страны по динамике нормы капиталовложений.
9. Сравните западные страны по динамике трудоемкости их производства.

10. Сравните западные страны по динамике материало– и фондоемкости их производства.

Литература

- Мир на рубеже тысячелетий. М., 2001.
Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет. М., 2003.
Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001.
Мировая экономика: прогноз до 2020 г. М., 2007.
Фаминский И. Мировое хозяйство: динамика, структура производства, мировые товарные рынки. М., 2007.
Greenspan A. The Age of Turbulance. N.Y., 2007.

Глава 2 Экономическая эволюция стран Востока и Запада в ретроспективе²

Ушедшее тысячелетие оставило много нерешенных экономических, социальных, экологических и других проблем, а также массу неразгаданных загадок. Так, далеко неясно, когда, почему и как одни страны, ныне развитые, а в далеком прошлом очень бедные, периферийные, сумели встать на путь современного экономического роста. Другие, в прошлом более богатые страны Востока и Юга, имевшие солидную историческую фору, разнообразные природные ресурсы, бесспорный приоритет во многих технологических и культурных **инновациях** (например, Китай), отстали в своем развитии. Остается до конца непонятным, когда и почему началось отставание стран Востока и Юга, в каких формах оно реализовалось, было ли оно абсолютным или относительным.

Несмотря на множество публикаций и исследований, по-прежнему неясно, почему одни страны (в частности, Тропической Африки) после нескольких десятилетий самостоятельного развития едва ли сколько-нибудь существенно увеличили свой душевой ВВП. В то же время другие развивающиеся государства, включая **новые индустриальные страны** (НИС) – Гонконг, Сингапур, Тайвань, Южную Корею, а также такие гиганты, как Китай, Индия и Бразилия, в целом стремительно наращивают хозяйственный потенциал, диверсифицируют структуру своей экономики.

Ответы на эти вопросы могут способствовать лучшему пониманию или решению наиболее актуальных проблем современной мировой экономики.

2.1. Доиндустриальная эпоха

Страны Востока добились в прошлом значительных экономических результатов. Это объясняется освоением в ходе длительного исторического развития «природной машины», ряда технологических и организационных инноваций, а также опорой на накопленный веками и тысячелетиями потенциал культуры, опыта и знаний. По показателям душевого ВВП, урожайности зерновых, уровня урбанизации, средней продолжительности жизни ханьский Китай, возможно, в целом опережал Римскую империю эпохи раннего принципата.

Расчеты по танско-сунскому Китаю (750–800/1050—1100 гг.) показывают, что значительный для традиционной экономики хозяйственный рост (среднегодовые темпы прироста ВВП составили 0,35—0,45 % и душевого ВВП – 0,15—0,25 %) был связан не только с количественными затратами основных производственных ресурсов, но и в немалой мере (на 25–35 %) с действием интенсивных факторов.

Рассматриваемый период был отмечен широким распространением технических изобретений, многие из которых появились в Европе (частично они были заимствованы с Востока) лишь спустя 300–500—1000 лет, прогрессом в накоплении знаний (изобретение книгопечатания), повышением грамотности населения, бурным инфраструктурным строительством, активизацией товарно-денежных отношений, внутренней и внешней торговли, некоторым, хотя, разумеется, и не всесторонним, развитием частного предпринимательства и инициативы земледельцев, ремесленников, купцов, чиновников и ученых. По имеющимся оценкам, в Китае в XII в. доля занятых в аграрном секторе экономики, возможно, понизилась до 2/3.

Все это позволяет предположить, что ряд важных признаков и предпосылок перехода от преимущественно экстенсивного к экстенсивно-интенсивному типу экономического роста впервые обнаружился не в западноевропейских странах в условиях промышленной революции,

² В главе 2 использованы материалы д.э.н. В.А. Мельянцева.

как это нередко до сих пор считалось, а на Востоке, в Китае (возможно, не только в Китае), на рубеже первого и второго тысячелетий, т. е. за многие сотни лет до начала «промышленного рывка» в странах Запада. Об этом качественном изменении в развитии производительных сил стран Востока не следует забывать в контексте общих рассуждений об относительной застойности экономических систем «восточного феодализма» (деспотизма), или **азиатского способа производства**.

К началу второго тысячелетия страны Востока (Китай, Индия, Египет) достигли в целом по меньшей мере двукратного (а Китай, возможно, трехкратного) превосходства в уровнях экономического развития по сравнению с Западом.

Вопреки некоторым представлениям в первые семь-восемь веков второго тысячелетия в ряде ведущих стран и регионов Востока, за исключением Передней Азии и Северной Африки, продолжался абсолютный рост ВВП. Однако ввиду более высоких темпов увеличения численности населения (в 1000–1800 гг. в Индии и Китае – соответственно в 3 и 5 раз) душевая величина ВВП обнаружила тенденцию к сокращению. И тем не менее Запад сумел догнать Восток по уровню душевого ВВП лишь в XVI в.

Анализируя причины возникновения и развития феномена отставания (отсталости) стран Востока, а также ряд свидетельств, описаний и исследований, можно сделать вывод, что для этих стран в XII–XIX вв. была характерна сравнительно высокая или даже возрастающая степень нестабильности воспроизводственного процесса: резкие перепады в численности населения, уровнях производства, объемах используемых ресурсов.

Ведущие страны Востока, находясь в зоне повышенных социоестественных рисков, испытали во втором тысячелетии чрезвычайно жестокие природные и экологические шоки, вызванные засухами, наводнениями, землетрясениями, эпидемиями и пандемиями, масштабы которых, по мнению специалистов, в отдельные периоды Средневековья и Нового времени превосходили размах аналогичных потрясений в Западной Европе.

В XIV–XIX вв. частота крупных засух и наводнений в долине Хуанхэ, обусловленных не в последнюю очередь антропогенными факторами, увеличилась по сравнению с VIII–XIII вв. в 4 раза. В мамлюкском Египте (1250–1517 гг.) стихийные бедствия экстраординарного масштаба происходили столь часто, что относительно «нормальными» можно считать лишь 117 лет из 267-летнего периода правления мамлюков.

Весьма важное значение имели также долговременные климатические изменения, приводившие в некоторых случаях к резкому ухудшению ведения хозяйства на обширных территориях. В ряде стран и субрегионов совокупный эффект отмеченных факторов оказал, быть может, решающее воздействие на изменение долговременной динамики макроэкономических показателей (особенно на Ближнем Востоке).

Особую роль играли социальные потрясения, связанные с опустошительными набегами кочевников, которые сильно разрушили человеческий и материальный компоненты **производительных сил** стран Востока. К примеру, монголами в XIII в. и маньчжурами в XVII в. было уничтожено во время установления своего господства соответственно 1/3 и 1/6 часть китайского населения. В результате завоеваний кочевники к началу (или в начале) второго тысячелетия установили, а потом неоднократно «возобновляли» свое господство во всех трех крупнейших субрегионах Востока, воспроизводя, где это им удавалось, периферийные, архаичные формы хозяйствования. При этом временами усиливались тенденции к ослаблению горизонтальных связей в обществе, подавлению индивида, консервации традиционных институтов, ограничивавших импульсы к развитию, а также превалированию непроизводительных, в том числе разрушительных и паразитических, функций государства над созидательными.

Вследствие природных катаклизмов, военных разрушений, требовавших больших восстановительных работ и значительного фонда возмещения грабежей и экспроприации, а также паразитизма деспотов и их сатрапов размеры накопления на Востоке – и это парадоксально,

учитывая крупные абсолютные и относительные объемы прибавочного продукта, – были в целом крайне невелики. Например, в могольской Индии даже в наиболее благоприятные времена доля накопления в национальном доходе не превышала, по имеющимся оценкам, 1 %.

На Востоке фактически было создано общество с преобладанием вертикальных командных импульсов и связей, самодовлеющее и тоталитарное по характеру, которое не могло конкурировать с создавшейся на Западе рыночной конкурентной экономической моделью, приведшей его на путь индустриализации и **современного экономического роста**. К этому следует добавить неизмеримо больший, чем в Европе, размах хищничества и паразитизма восточных правителей. Рента и налоговые изъятия в Китае, Индии, Иране и ближневосточных государствах эпохи Средневековья и Нового времени достигали 40–50 % собранного урожая, а в целом эти изъятия составляли не менее 15–20 % их ВВП. Следует учесть и огромные расходы на содержание армий, которые могли достигать еще 12–15 % ВВП.

В отличие от Запада восточные правители со временем стали ограничивать частную инициативу, усматривая в ней (что естественно!) опасность собственному существованию, диктаторскому режиму, и всячески наращивать не только идеологическое и военно-политическое давление на своих подданных и ближайших соседей, но и полный произвол своего всевластия, что порождало в конечном счете некомпетентность, инертность и бездеятельность.

В таких условиях основная часть жителей азиатских стран приспособлялась к нестабильной и в целом неблагоприятной социально-экологической обстановке путем своеобразных демографических инвестиций, осознанно или неосознанно стремясь к увеличению численности детей. Этот механизм социодемографической «компенсации», действовавший более или менее эффективно на протяжении многих столетий, вызывал серьезные экономические, экологические и социально-политические последствия.

Демографические «взрывы», подобные тем, что произошли в Китае в XVIII – первой половине XIX в., приводили в конечном счете к распадке всех возможных земель (включая неудобья), сведению лесов, ограничению поголовья скота, «конкурировавшего» с населением за ресурсы, а также тормозили распространение трудосберегающих технологий. По имеющимся оценкам, показатель **капиталовооруженности труда** в минском и цинском Китае в целом имел тенденцию к сокращению – его среднегодовые темпы изменения составили в 750–800/1050–1100 гг. 0,35–0,45 %, в 1100–1400 гг. – 0,25–0,30 %, а в 1400–1600, 1600–1800 и 1800–1900 гг. – отрицательную величину: – 0,1; – 0,2 и – 0,15 % соответственно. Причем если в VIII–XI вв. доля **интенсивных факторов экономического роста** достигала 25–35 %, то на протяжении последующих семи столетий этот показатель был в целом отрицательным, равным примерно – 15–25 %.

Таким образом, во многих крупных странах Востока и в Китае к моменту появления европейских и иных (например, японских) колонизаторов в целом наблюдался общественно-экологический кризис, в значительной мере обусловленный длительным экстенсивным использованием естественных (природных и трудовых) ресурсов в ущерб наращиванию исторически созданных рукотворных, т. е. материальных, социальных и духовных **производительных сил**.

В отличие от большинства стран Востока западноевропейским странам во втором тысячелетии, в том числе в доиндустриальную эпоху, удалось обеспечить более быстрый экономический рост, связанный в значительной мере с генезисом интенсивного типа производства.

Осуществление «европейского чуда» оказалось возможным по ряду обстоятельств. Отчасти благодаря географическим факторам западноевропейцы, как известно, сумели в целом избежать деструктивных социально-политических шоков, связанных с завоеваниями кочевников. В то же время многократные попытки объединить Европу изнутри силовыми способами в конечном счете терпели неудачу. Под влиянием различных факторов, многие из которых еще требуют уточнения, в Западной Европе постепенно сложилась своеобразная (быть

может, уникальная) система более или менее равновесных конкурентно-контрактных отношений, препятствующая образованию губительной для прогресса монополии власти. Сформировались относительно независимые, децентрализованные источники силы и влияния: церковь, города, феодалы, гильдии, университеты.

В обстановке довольно острой внутренней и внешней конкуренции государство в западноевропейских странах оказалось вынуждено учитывать интересы не только «верхов», но и «низов»: оно не только грабило подданных, но и предоставляло им определенные экономические, социальные, политические и правовые услуги. Иными словами, западноевропейскому государству, в отличие от его восточных аналогов, были в сравнительно меньшей степени присущи черты произвола и паразитизма. В силу этого обществам ряда стран Запада в позднее Средневековье и Новое время удалось аккумулировать немалую социальную энергию, необходимую для трансформации их отсталых экономических систем, запуска механизма общественного саморазвития.

Несмотря на бедность преобладающей массы населения, паразитизм основной части светских и духовных феодалов, частые войны, стихийные бедствия, пожары, западноевропейское общество в Средние века и Новое время в целом обеспечило известный рост массы и нормы накопления. Этому способствовали отмеченные выше социально-институциональные особенности европейского сообщества: развертывание индустриализации, сопровождавшейся освоением ряда собственных нововведений и применением технических и технологических изобретений других, в том числе азиатских, народов; рост свободных городов, региональной и межстрановой торговли; секуляризация церковной собственности, расширение практики огораживания.

Немалую роль в создании предпосылок для роста капиталонакопления сыграли такие факторы, как повышение степени имущественной и личной безопасности купца и ремесленника; активизация предпринимательской деятельности вследствие реформации и распространения протестантской этики; укрепление позиций «третьего сословия» в ходе буржуазных революций и реформ; колониальная экспансия европейских государств.

Обобщая оценки ряда исследователей, можно утверждать, что норма капиталовложений в странах Западной Европы увеличилась с 3–4 % в **XI–XIII** вв. до 5–7 % в **XVI–XVIII** вв. Опираясь на эти данные, а также ретроспективные оценки западных исследователей темпов роста основного капитала в Германии и Англии, можно сделать вывод, что в **XI–XVIII** вв. средняя **фондовооруженность труда**, а также его **энерговооруженность** увеличились примерно в 3 раза. По ориентировочным оценкам, в странах Западной Европы среднее число отработанных часов на одного занятого в год возросло с 2100–2300 часов во **II–IV** вв. н. э. до 2400–2600 в **XII–XIII** вв. и до 2700–2900 часов в конце **XVII** – середине **XVIII** вв.

В позднее Средневековье жители многих западноевропейских стран стали более жестко придерживаться некоторых рациональных принципов регулирования рождаемости и планирования семьи, практикуя в зависимости от обстоятельств безбрачие (в среднем от 1/10 до 1/4 населения брачного возраста не имели семьи), более поздние браки, а также ограничение числа детей. Эти особенности демографического поведения жителей Западной и прежде всего

Северо-Западной Европы в немалой мере способствовали увеличению сбережений, социальной мобильности населения, повышению его квалификационного и образовательного уровня. По оценкам, существенно повысилась грамотность взрослого населения. Если в XI в. грамотное население составляло не более 1–3 %, то к концу XVI в. – 10 и к началу XIX в. – 44–48 %.

В доиндустриальной Европе произошли и другие важные изменения. Например, судя по оценкам ряда исследователей, доля занятых в сельском хозяйстве сократилась с 80–84 % в XI в. до 62–66 % в 1800 г.

Имеющиеся данные о структуре совокупного **производительного капитала** позволяют предположить, что если в Средневековье происходило замещение природных производительных сил в основном **живым трудом** и лишь отчасти физическим капиталом, то в прединдустриальные столетия картина изменилась: живой труд активно замещался физическим (основным), т. е. вещественным, капиталом. Таким образом, в доиндустриальных обществах Запада происходило относительно быстрое наращивание материально-вещественных компонентов производительных сил. Но наиболее высокими темпами увеличивались энергоинформационный потенциал человеческого фактора и средства коммуникации, что, думается, явилось ключевым моментом успеха западной модели развития.

В целом в доиндустриальный период (XI–XVIII вв.) совокупный ВВП крупных стран Запада вырос более чем в 15 раз, в то время как в Китае – в 3,5–4 раза, в Индии – в 2 раза, а на Ближнем Востоке, возможно, сократился примерно на 1/4–1/3. Тем не менее к началу

XIX в. суммарный производительный и потребительный потенциал Востока оставался по-прежнему весьма внушительным. По **экономической мощи** Китай вдвое превосходил крупные страны Запада, которые в совокупности уступали и Индии.

Характеризуя качественные составляющие экономического роста, надо отметить, что Запад добился сравнительно крупных успехов еще до начала так называемого современного экономического роста. В XI–XVIII вв. примерно 1/3 прироста ВВП стран Запада была связана с ростом затрат ресурсов. Отставая по общему уровню развития от ведущих азиатских государств на рубеже первого – второго тысячелетий в 2,4–2,6 раза, западноевропейские страны к началу промышленного переворота превзошли их по этому показателю уже почти вдвое, в том числе в 3,0–3,5 раза по уровню грамотности взрослого населения.

2.2. Генезис современного экономического роста

Промышленный переворот в ныне развитых капиталистических странах (конец XVIII – начало XX в.) привел к радикальному (в 5–6 раз) ускорению общих темпов их экономического роста по сравнению с соответствующими показателями эпох Возрождения и Просвещения (с 0,3–0,5 % в год в XVI–XVIII вв. до 2,0–2,2 % в XIX–начале XX в.).

Несмотря на существенный рост численности населения, многократно (в среднем в 7–12 раз) увеличились темпы роста душевого ВВП. В период «промышленного рывка», занимавшего в каждой из шести ныне крупных развитых стран мира два-три поколения (40–60 лет), они достигали в среднем 1,4–1,5 % в год. К тому же экономический рост ныне развитых государств в период промышленного переворота был более сбалансированным и имел более широкую основу, чем это принято считать. В немалой мере он был связан с подъемом сельского хозяйства, происходившим во всех рассматриваемых странах, за исключением США, на базе его интенсификации.

Быстрая трансформация экономики стран Запада и Японии определялась не только масштабами вытеснения прежних форм производства, но и достижением органического синтеза современных и наиболее продуктивных из числа традиционных факторов роста, роль которых в становлении **индустриальной цивилизации** и придании ей относительной устойчивости оказалась весьма значительной.

Однако вопреки широко распространенным представлениям, основанным на данных о динамике выпуска продукции в современных отраслях индустрии, общие темпы роста промышленного производства ныне развитых государств в период промышленной революции (2,7–2,9 % в год в 1800–1913 гг.) были хотя и существенно выше, чем в доиндустриальную эпоху, но примерно вдвое ниже показателей, часто публиковавшихся в учебниках и хрестоматиях по экономической истории. При этом в отличие от сельского хозяйства, развивавшегося,

как уже отмечалось, во многом на основе интенсивных факторов, вклад экстенсивных факторов в прирост продукции промышленности достигал в среднем 3/4.

При всей значимости внешних факторов, в том числе экспорта, в увеличении ВВП крупных ныне развитых капиталистических стран на отдельных, особенно начальных, этапах их **индустриализации** наиболее весомый вклад (5/6) в ускорение экономической динамики западноевропейских стран и Японии, по расчетам, был обусловлен развитием их внутреннего рынка. При этом роль колониальных и зависимых стран в качестве рынков сбыта европейских и американских товаров была в целом весьма ограничена: в 1800—1938 гг. в этих странах реализовывалось не более 1,5–3,0 % совокупного ВВП ныне развитых капиталистических стран. Норма капиталовложений возросла на этапе перехода от доиндустриальной к индустриальной экономике примерно вдвое: с 5,7 % ВВП в XVI в. до 12–14 % в XVIII в.

Отметим, что в целом роль внешних источников финансирования развития стран Запада и Японии в период промышленного переворота была относительно невелика, тем не менее на начальных этапах первичной индустриализации внешний финансовый и технологический импульсы были все же существенными. Однако вклад фактора эксплуатации колоний в развитие экономики стран Запада был все же намного меньше того, каким его считают некоторые леворадикальные ученые марксистского толка.

В XIX – начале XX в. средняя фондовооруженность труда в целом по шести крупным ныне **развитым государствам** возросла в **6,3–6,7** раза, а его производительность – в **3,5–4,0** раза. Произошли и другие важные структурные и качественные изменения. В частности, доля занятых в аграрном секторе сократилась с **65–67 %** в **1800** г. до **38–40 %** в **1913** г.

Наряду с увеличением основного капитала существенно наращивался **человеческий капитал**. Среднее число лет обучения взрослого населения увеличилось с 1,5–2 до 6–8 лет, или примерно в 4 раза. Но с учетом увеличившейся продолжительности «школьных лет» в среднем на 30–40 % и возможной недооценки повышения качества образования реальный рост человеческого капитала был намного большим. Это означает, что уровень *качества рабочей силы* повышался опережающими темпами по сравнению с ростом капиталовооруженности труда. Так, в 1800–1913 гг. в структуре национального богатства стран Запада доля основного капитала возросла примерно в 1,5 раза (с 13 до 20 %), а удельный вес накопленных вложений в образование, здравоохранение и науку – почти втрое (с 3,5 до 9 %). В Японии в 1885–1938 гг. соответствующие изменения были еще более значительными: первый показатель возрос с 14,7 до 20,7 %, второй – с 5,1 до 11,3 %.

Имеющиеся оценки по главным странам Запада и Японии показывают, что экономический рост этих стран в период промышленного переворота носил, вопреки встречающимся в литературе суждениям, во многом экстенсивный характер: доля интенсивных факторов составляла в целом 35–40 %. Наибольших успехов в период промышленного переворота добились США, Германия и Япония. Эти страны постепенно преодолели сырьевую полупериферийную специализацию своих экономик благодаря последовательной реализации национальных стратегий развития, серьезным институциональным реформам, компетентным действиям государства, его дозированному интервенционизму, направленному на формирование эффективных механизмов созидательной конкуренции, а также форсированному наращиванию инвестиций в наиболее передовые средства производства, коммуникации, а главное, в человеческий капитал: образование, науку, культуру.

Покорение и освоение европейскими и японскими колонизаторами стран Востока и Юга нанесло в целом ощутимый удар по их архаичным социально-экономическим системам и сопровождалось немалыми жертвами для коренного населения. Вместе с тем межцивилизационное взаимодействие, обусловившее становление мирового рынка, придало определенный импульс развитию этих стран, связанный с передачей новой техники, производственного и управленческого опыта.

По окончании периода упадка и стагнации, продолжавшегося в целом до последней трети или четверти XIX в., в колониальных и зависимых странах обозначилось увеличение темпов роста населения и ВВП. В 1870–1950 гг. в ряде крупных и средних стран Востока и Юга экономический потенциал вырос в 2,1–2,3 раза, т. е. лишь ненамного меньше, чем за первые восемь столетий второго тысячелетия (примерно в 2,4–2,8 раза). Произошло также некоторое повышение душевого дохода, правда, оно еще в слабой мере затронуло основную массу коренного населения и к тому же в ряде афро-азиатских государств было прервано в период кризиса и депрессии 1930-х годов и Второй мировой войны.

Уровень развития периферийных стран, стагнировавший в 1800–1870 гг., впервые стал понемногу повышаться в основном за счет некоторого улучшения ряда социально-культурных показателей. В 1870–1950 гг. этот уровень в целом по шестерке крупных и средних стран будущего **третьего мира** увеличился примерно на 2/3 (в Бразилии и Мексике – более чем вдвое, в Китае и Индии – на 50–60 %, в Индонезии и Египте – на 90 %). Но при этом увеличился и разрыв между ведущими капиталистическими державами и периферийными странами по душевому ВВП с 3,0:1 в 1870 г. до 5,1:1 в 1913 г. и 8,1:1 в 1950 г.

Экономический рост колониальных и зависимых стран был в целом крайне нестабильным, диспропорциональным и, несмотря на интенсивную эксплуатацию природных и трудовых ресурсов, имел, за редким исключением (главным образом будущих новых индустриальных стран – НИС), преимущественно экстенсивный характер. За счет затрат используемых ресурсов в конце XIX – первой трети XX в. обеспечивалось в среднем не менее 70–75 % (без учета будущих НИС – около 4/5) прироста реального ВВП. Во многом это было связано с тем, что модернизация, ограниченная по своим масштабам, не привела к сколько-нибудь существенному качественному переустройству обширных пластов традиционных обществ.

2.3. Тенденции и противоречия экономического роста в послевоенный период

В послевоенный период в развитии мировых производительных сил обозначились большие качественные сдвиги, произошло существенное, хотя в целом далеко не равномерное их ускорение в различных регионах мирового сообщества.

Несмотря на тяжелые испытания, в том числе глобальные, структурные и экономические кризисы (а отчасти, возможно, благодаря им), капитализм как саморазвивающаяся, самокорректирующаяся система не только выстоял, но и усилил свою жизнеспособность, обретя ряд новых черт и адаптационных свойств, связанных прежде всего с развитием рыночного механизма и ускорением НТП.

В результате реформ и преобразований важнейших социально-политических институтов в развитых капиталистических странах, усиления процессов интеграции, интернационализации, государственного и межгосударственного регулирования экономики, совершенствования конкурентного механизма значительно возросла мобильность товаров, услуг, рабочей силы, капиталов, технологий и информации. Заметно повысились общие темпы экономического роста, которые с 1950 по начало 1990-х годов в целом по группе крупных развитых капиталистических стран составили 3,5–3,6 % в год, а совокупный объем произведенных товаров и услуг в расчете на душу населения возрос более чем в 3 раза. Произошло существенное сближение относительных уровней развития производительных сил.

Так, в 1950 г. средний невзвешенный показатель производительности труда в Великобритании, Франции, Германии, Италии и Японии составлял лишь 35 % уровня США, в 1973 г. он достиг 60–61 %, а в начале 90-х годов – 77–78 %. В определенной мере это было связано с подтягиванием Западной Европы и Японии до американского «стандарта» фондовооружен-

ности труда. К 1990 г. Германия, Япония и Франция по фондовооруженности труда даже опередили США.

Важнейшим направлением рационализации хозяйственных систем развитых стран в послевоенный период стала особая форма **интенсификации труда**, которая основывалась не столько на экономии фонда оплаты труда, сколько на повышении качества труда, усилении его мотивации, увеличении гибкости и мобильности рабочей силы, значительном росте ответственности, дисциплинированности и профессионализма работников.

Общие учтенные расходы на здравоохранение, образование и науку возросли в среднем по шести ведущим капиталистическим странам с 2,5–2,7 % ВВП в 1910–1913 гг. до 7,6–7,8 % в 1950 г. и 16,5–16,7 % в 1990–1991 гг. Средняя продолжительность жизни увеличилась с 50 лет в 1913 г. до 66 в 1950 г. и 77 в 1993 г., а среднее число лет обучения взрослого населения – соответственно с 7,3 до 10 и 14 лет.

В ведущих капиталистических странах улучшение структуры общественного производства, качественное совершенствование его ресурсных составляющих, увеличение не вещных компонентов накопления и богатства, применение многообразных организационных и технологических нововведений, отражающих значительные темпы НТП послевоенных десятилетий, обусловили заметное повышение доли интенсивных факторов производства – примерно в полтора раза по сравнению с соответствующим показателем эпохи промышленного переворота, достигнув в среднем по шестерке главных капиталистических стран 58–70 %.

Результаты экономического роста развивающихся государств неоднозначны и весьма противоречивы. В 50–80-х годах несколько десятков развивающихся стран, где было сосредоточено не менее 2/3 – 3/4 населения и ВВП периферийной зоны мирового капиталистического хозяйства, преодолевая немалые проблемы и сложности, сумели добиться существенных, хотя и не вполне устойчивых успехов в экономическом развитии.

Проведение ряда реформ и преобразований, мобилизация собственных ресурсов, широкое использование капитала, опыта и технологий развитых государств – все это привело к тому, что процесс относительно быстрой модернизации охватил не только маленьких и средних «тигров» (Сингапур, Гонконг, Тайвань, Южная Корея, Малайзия, Таиланд, Турция и др.), но и таких гигантов, как КНР, Индия и Индонезия, которые заметно активизировались в 70–90-е годы.

В результате значительно ускорилась экономическая динамика **третьего мира**: если в 1900–1938 гг. душевой ВВП в периферийных странах возрастал в среднем ежегодно на 0,4–0,6 %, то в 1950–1993 гг. – уже на 2,6–2,7 %. Конечно, не во всех слаборазвитых государствах экономическая результативность была столь впечатляющей. Но средневзвешенный показатель по «третьему миру» более чем вдвое превысил соответствующий параметр для стран Запада эпохи промышленного переворота и в целом соответствовал послевоенным показателям душевого роста ВВП в капиталистических центрах. При этом некоторые показатели, характеризующие нестабильность, несбалансированность и диспропорциональность развития, в быстро модернизирующихся странах «третьего мира» оказались в среднем не выше уровня капиталистических государств на этапе их «промышленного рывка» в послевоенный период.

Крупным достижением **развивающихся стран** является существенное увеличение нормы капиталовложений – с 6–8 % ВВП в 1900–1938 гг. до 21–23 % за 1950–1993 гг. Это произошло главным образом за счет внутренних – как частных, так и государственных – источников финансирования, тогда как доля иностранного капитала составила в среднем не более 10–15 %. Последний показатель был не выше, чем в странах «второй волны» капиталистической модернизации (Северная и Южная Европа, Канада, Австралия, Япония), осуществлявших индустриализацию в конце XIX – первой трети XX в.

В 80-х годах общий фонд развития периферийных государств, включающий обычные капиталовложения, а также текущие расходы на образование, здравоохранение и НИОКР,

достиг в среднем 28–30 % ВВП. В 1950–1990 гг. в структуре национального богатства рассматриваемых здесь крупных развивающихся стран доля основного капитала возросла примерно вдвое (с 15 до 31 %), а человеческого невещественного капитала – втрое (с 3 до 9 %).

В странах «третьего мира» удвоился вклад интенсивных составляющих экономического роста: если в 1900–1938 гг. за счет этих факторов обеспечивалось 16–18 % прироста ВВП, то в 1950–1993 гг. – примерно 32–34 %. Имеющиеся оценки показывают, что на этапе современного экономического роста в крупных развивающихся странах 20–24 % прироста их ВВП обусловлено повышением качества труда и основного капитала (на первый компонент приходится от 1/6 до 1/5) и примерно 10–12 % – передислокацией основных учтенных ресурсов из отраслей с низкой в отрасли с более высокой эффективностью использования ресурсов.

Вопреки многим пессимистическим прогнозам развивающиеся страны достигли в целом существенного, хотя еще и неустойчивого прогресса в социально-культурной сфере. Так, в странах «третьего мира» доля населения, живущего за чертой бедности, сократилась с 45–50 % в 1960 г. до 24–28 % в 1990 г. Существенно повысился уровень грамотности взрослого населения – с 14–15 % в 1990 г. до 28 % в 1950 г. и 69 % в 1993 г., а среднее число лет обучения – с 1,6 до 5,8 (в расчет приняты крупные развивающиеся страны). В странах Востока и Юга показатель средней продолжительности жизни в 1800–1913 гг. не превышал 26–28 лет, но за 1950–1993 гг. он вырос почти вдвое: с 35 до 64–66 лет.

Подтягивание ряда крупных развивающихся стран по некоторым важнейшим показателям развития человеческого фактора к уровню ведущих капиталистических государств происходило в основном в послевоенный период, и, пожалуй, быстрее, чем по собственно экономическим параметрам. В 1800–1913 гг. страны Запада и Япония по темпам изменения индекса развития обгоняли страны Востока и Юга в 2,5–3 раза, в 1913–1950 гг. – примерно в 1,5–2 раза, а в послевоенный период крупные периферийные государства в 1,5–2 раза опережали по темпам изменения индекса развития ведущие капиталистические страны. В результате разрыв в уровнях социально-экономического прогресса, измеренного с помощью индекса развития, впервые стал заметно сокращаться: если в 1950 г. он составлял 1:4,5, то в 1993 г. – уже 1:2,8.

В последние годы развивающиеся страны осуществляют активную экспансию во внешней торговле. Согласно данным американской издательской фирмы «МакГроу-Хилл», с 1985 по 1996 г. рост экспорта из развивающихся стран составил 217 %, в то время как мировой экспорт увеличился на 94 %, а экспорт из промышленно развитых стран – на 70 %. Некоторые из развивающихся стран стали гигантами внешней торговли. Бразилия, например, является крупным экспортером целлюлозно-бумажной продукции, самолетов, легкого вооружения, соевых бобов. Индия – крупный поставщик на мировой рынок стали, химикатов, фармацевтической продукции, компьютерных программ.

Главным мотором развивающихся стран в конкурентной борьбе на мировом рынке является низкий уровень затрат на оплату труда.

Однако в 80-х – начале 90-х годов во многих латиноамериканских и африканских странах существенно замедлилась экономическая динамика. В результате число сравнительно быстро растущих развивающихся стран сократилось примерно с 50 в 60–70-х годах до 20. Но на эти страны по-прежнему приходится 50–60 % населения и ВВП «третьего мира». Ряд крупных и средних стран (КНР, Индия, Индонезия, Турция, Таиланд, Пакистан, азиатские НИС) провели эффективные реформы хозяйственного механизма и, как уже отмечалось, активизировали свой экспортный потенциал. При этом как менее, так и более «удачливые» развивающиеся государства испытывали значительные экономические трудности, связанные с внушительными размерами внешней задолженности, оттоком и неравномерным распределением по странам иностранного капитала, нестабильностью экспортных цен, ухудшением экологической ситуации. В странах «третьего мира» насчитывается около 1,2 млрд человек, живущих ниже порога бедности (в том числе 500 млн в Азии и 300–370 млн в Тропической Африке), более

900 млн неграмотных. Сохраняются значительные социальные контрасты, а дифференциация доходов и потребления в ряде периферийных стран продолжает углубляться.

В особенно бедственном положении оказался, за несколькими исключениями, регион Тропической Африки. Голод, нищета, болезни, этнические и межгосударственные конфликты, проявления геноцида – таков далеко не полный список человеческих трагедий, жертвами которых оказались десятки, а может быть, и сотни миллионов людей. Применительно к ним сами понятия «экономический рост», «наращивание человеческого капитала» теряют всякий смысл. **Мировое сообщество** уже сегодня сталкивается с необходимостью решения острейших проблем жизнеобеспечения в этих странах. Таково одно из реальных противоречий современного мира.

Было бы, однако, неправильно не видеть и того, что в целом, несмотря на трудности, сбои и движения вспять, несколько десятков развивающихся стран сумели встать на рельсы современного экономического роста. Сделаны пока еще только первые шаги. Для создания более гибких, адаптивных социально-экономических систем необходимы рациональные действия государства по демонтажу неэффективных структур, адаптации традиционных и формированию современных институтов, приватизации и постепенной либерализации основных сфер народного хозяйства, а главное – по максимальному развитию разнообразных форм предпринимательства, раскрепощению созидательной инициативы людей. Привлечение *транснациональных корпораций* (ТНК), а следовательно, использование передового опыта, технологий и коммерческих связей стран Запада должны органично сочетаться с максимальной мобилизацией внутренних резервов, уменьшением непроизводительных расходов, сокращением не престижных и малоэффективных проектов, со значительной большей концентрацией ресурсов на развитии собственно человеческого фактора, инвестиции в который, как показывает исторический опыт более развитых, а также быстро развивающихся стран, намного эффективнее, чем обычные капиталовложения.

Итак, в результате генезиса исторически созданных производительных сил, их *диверсификации* и усложнения происходило сначала крайне медленное, противоречивое, затем более быстрое вызревание интенсивного типа воспроизводства, характеризующегося – в тенденции – снижением *ресурсоемкости* экономики (не исключаяющей, впрочем, а предполагающей относительное расширение затрат нетрадиционных видов ресурсов), повышением роли социальных и духовных элементов производительных сил, а также существенным, хотя и далеко неравномерным ускорением темпов экономического развития.

В доиндустриальный период (1000–1800 гг.) душевой ВВП стран Запада возрос примерно в 2–3 раза, а на Востоке (Китай, Индия, Египет) он, возможно, сократился в среднем на 20 %. В эпоху промышленного переворота (1800–1950 гг.) в крупных ныне развитых странах указанный показатель увеличился почти в 6 раз, а по шести крупным странам Востока и Юга (Китай, Индия, Египет, Сирия, Пакистан и Бангладеш) – в среднем лишь на 14 %.

В послевоенный период ускорение экономического роста в значительной мере охватило также страны «третьего мира». В 1950–1993 гг. в крупных развивающихся странах душевой ВВП вырос в 3,6 раза, а в крупных развитых – в 3,1 раза. В целом за период, охваченный расчетами (1000–1993 гг.), совокупный ВВП ныне развитых стран увеличился примерно в 1540 раз (в крупных странах Востока и Юга – в 50 раз); душевой ВВП вырос соответственно в 40–43 и 3,0–3,5 раза; в ныне развитых странах **индекс развития** возрос в 30 раз, а в целом по крупным странам Востока и Юга – примерно в 4 раза. Наконец, эффективность использования ресурсов в первой группе стран увеличилась в 10–13 раз, а во второй – лишь в 1,3 раза.

Отмечая медленные, эволюционные изменения в досовременных обществах, мы тем не менее полагаем, что их экономические и социальные системы были отнюдь не статичны и «пассивны».

Во-первых, этим обществам, причем в большей мере Востоку, чем Западу, была присуща значительная, намного превосходящая современные масштабы неустойчивость воспроизводства, обусловленная, как отмечалось выше, природными и социальными факторами. Колоссальные общественные силы, труд множества людей и богатство общества расходовались на устранение или предотвращение различных катастроф и кризисов. Во-вторых, досовременные общества обменивались в ходе внутривизилационных и межвизилационных контактов разнообразными инновациями, темпы распространения которых со временем стали постепенно ускоряться.

В силу природных и исторических факторов страны Востока в целом оказались к началу второго тысячелетия сравнительно более развитыми, чем западные, расположенные на периферии Евразии, вдали от тогдашних центров мировой цивилизации. Однако к концу второго тысячелетия именно на Западе сложились необходимые и достаточные условия для реализации догоняющего, а затем и перегоняющего развития в результате определенной комбинации всей системы естественных, материальных, социальных и духовных производительных сил. При этом приоритетное развитие социальных и духовных компонентов производительных сил, человеческого фактора оказалось в конечном счете решающим в европейском феномене «раскованного Прометея».

Успехи стран Запада и Японии базировались также на развитии товарно-денежных отношений, предпринимательской инициативы. После Второй мировой войны страны Запада и Япония опробовали **кейнсианские и монетаристские** модели государственного регулирования экономики. Но никогда государство не брало на себя определяющую и направляющую роль в развитии экономических процессов, выполняя лишь функцию индикативного, т. е. указующего, регулирования и стимулирования производства. В последнее время победу одержала **либеральная модель** стратегии государственного регулирования экономики с опорой на свободу рыночных отношений и предпринимательства.

Страны Востока все более вовлекаются в русло современного экономического роста. В послевоенный период многие из них стали проводить индустриализацию. Но нигде этот процесс не проходил за счет сельского хозяйства, как в бывшем СССР. Наоборот, капиталы, созданные в сельском хозяйстве, а затем в легкой и пищевой промышленности, использовались для осуществления промышленного переворота и развития тяжелой промышленности.

Нисколько не идеализируя историю Запада (т. е. признавая его обреченность на развитие через бесконечные метаморфозы), мы не хотели бы излишне драматизировать печальную, но вовсе не безысходную судьбу Востока. Трансформация «восточных» систем в современные формы производства и общения (необязательно западные, но перспективные) займет немало времени.

При этом многие ресурсные ограничители, экологические, а также некоторые социально-экономические депрессанты (безработица, старение населения и др.), с одной стороны, и расширение взаимодействия с передовыми странами (трансферт опыта, технологий, демонстрационный эффект) – с другой, могут способствовать – в тенденции – более быстрому, чем это было в экономической истории ныне развитых государств, формированию интенсивного, ресурсосберегающего типа воспроизводства, основ постиндустриальной цивилизации. Вопреки ряду алармистских, т. е. тревожных, прогнозов уже накопленные (хотя полностью далеко не реализованные), а также будущие потенции интенсивного развития ряда азиатских, латиноамериканских и ближневосточных стран «третьего мира» представляются достаточно внушительными.

Выводы

1. В далеком прошлом страны Востока добивались более значительных результатов, чем страны Запада. Однако со временем они теряли свои преимущества, так как отставали от Запада в использовании интенсивных факторов экономического роста, в частности человеческого капитала.
2. Большую роль в успешном развитии экономики стран Запада играла религия, особенно протестантская.
3. Ограничение частной инициативы, торговли, изоляционизм сыграли негативную, тормозящую роль в экономическом развитии стран Востока.
4. Промышленная революция в странах Запада, начавшаяся с конца XVIII в., привела к радикальному ускорению темпов их экономического развития и резкому отрыву от стран Востока.
5. Увеличение темпов роста ВВП стран Востока началось лишь с конца XIX в.
6. Современный Запад перешел на интенсивные темпы экономического развития, страны Востока (за исключением Японии) пытаются встать на тот же путь, однако процесс этот осуществляется не гладко. Финансовый кризис в Азии в конце 1997 – начале 1998 г. – лишнее тому доказательство.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Как складывалось соотношение сил стран Востока и Запада в доиндустриальную эпоху?
2. Какие причины вызвали стагнацию экономического развития стран Востока в позднем Средневековье?
3. Какие причины вызвали ускорение экономического развития стран Запада в доиндустриальную эпоху?
4. В чем заключался промышленный переворот в конце XVIII – начале XIX в.?
5. Что такое современный экономический рост? Каковы его признаки?
6. Как складывается соотношение сил между развитыми и развивающимися странами в наши дни?
7. Что такое «новые индустриальные страны» и почему они в экономическом развитии вырвались вперед?
8. Какие черты присущи экономическому росту развивающихся стран?
9. Как складывается соотношение между государством и рынком в экономике развитых и развивающихся стран?

Литература

- Мельяницев В.А.* Арабо-исламский мир в контексте глобальной экономики. М., 2003.
- Мельяницев В.А.* Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996.
- Четкое М.* Возрождение Востока и развивающиеся страны в мировом контексте // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 11.
- Гайдар Е.* Долгое время. М., 2005.

Глава 3 Экономика США

Сегодня американская экономика является главным стабилизатором и локомотивом мировой экономики. Внутренний американский рынок огромен: он поглощает почти 90 % всего объема отечественного производства и, кроме того, значительную часть продукции, создаваемой в других странах, включая развивающиеся. Следовательно, американская экономика вполне самодостаточна. Она отличается крупномасштабной ориентацией на НТП и передовую технику, является реальной базой для политической и военной «супердержавности» страны, с которой приходится считаться всем другим странам, включая и Россию.

Прошли времена, когда мы «соревновались» с США в экономическом отношении. Жизнь показала всю утопичность наших замыслов, базирующихся на экономике нерыночного типа. В то же время сегодня возникла такая ситуация, когда Россия и США, как и многие другие страны, все больше становятся реальными и равноправными партнерами в мировой экономике.

3.1. Общая характеристика экономики

США – единственная страна мира, чья экономика вышла из Второй мировой войны значительно окрепшей. В первые послевоенные десятилетия лидирующие позиции США в мировом хозяйстве (с большим отрывом от конкурентов) стали бесспорны. Война избавила эту страну от серьезных конкурентов, но ненадолго. Экономический подъем Западной Европы и промышленный рывок Японии существенно изменили это положение. Доля США в ВВП капиталистического мира стала снижаться. В 1950 г. она составляла около 30 %, в настоящее время – немногим более 20 %. Но особенно заметно снизилась доля США в мировом товарном экспорте – с 45 до 12 %. Американцам пришлось потесниться и в сфере экспорта капитала: в 1960 г. на долю США приходилось около 62 % прямых зарубежных инвестиций основных стран – экспортеров капитала, ныне – менее 20 %.

Большинство ведущих капиталистических стран, отстававших от США в 1960 г. по уровню производительности труда в 2–4 раза, к концу века резко сократили этот разрыв. Более того, конкуренты США развернули свой экспорт товаров и капиталов на внутренний американский рынок и добились там внушительных успехов. В результате в США образовался огромный *пассив торгового и платежного балансов* (соответственно 900 млрд и свыше 1 трлн долл. за 2006 г.). Создалась угроза лидирующей роли США в мировой экономике, что вызвало необходимость принятия решительных мер: в стране заметно увеличились расходы на **научные исследования и опытно-конструкторские разработки**, значительно укрепились и расширили свое влияние в мире американские ТНК и их филиалы за границей.

Главная особенность американской экономики состоит не в том, что она обладает самым большим в мире **производственным потенциалом** и производит самый большой объем товаров и услуг, а в том, что она лидирует в области НТП, внедрения его результатов в производство, в экспорте лицензий на свои открытия, изобретения и новейшие разработки. Это создает эффект зависимости других стран от США в области науки и техники. На США приходится 40 % мировых затрат на НИОКР, а в общем объеме экспорта наукоемкой продукции в современном мире доля США составляет не менее 20 %.

Обладая огромным превосходством над другими странами по своему инновационному потенциалу, США получают инновационную ренту – естественный результат монополии на новые знания и умение претворять их в новую продукцию с учетом растущего спроса на нее. Не случайно уровень прибыльности в США существенно выше, чем в странах Западной Европы.

Что касается американских ТНК, то их предприятия за границей обеспечивают производство товаров и услуг в объеме более 4 трлн долл. в год, что составляет почти 30 % ВВП США и оказывает огромное влияние на экономику тех стран, где эти предприятия работают. Недаром говорят, что сегодня существуют две американские экономики: одна – на территории США, другая – в иных странах. Прибыли на прямые инвестиции за границей являются важным источником финансирования не только производства в **странах-реципиентах**, где размещены филиалы американских ТНК, но и экономического развития самих США.

Объем производства ВВП США в 2007 г. достиг почти 14 трлн долл. Ход экономических процессов в США является одним из главных генераторов развития всей мировой экономики. Деловая активность в США служит своего рода барометром для мировой экономики, она реально влияет на движение цикла и ход экономического развития других стран, на структуру мировой торговли.

США занимают первое место в мире по объему промышленного производства, обладают высокоэффективным сельским хозяйством. В последние годы сбор всех видов зерновых культур в стране составляет около 400 млн т в год. Около половины собранной пшеницы и 60 % кукурузы идет на экспорт.

Промышленность США потребляет примерно третью часть сырья, добываемого в мире, имеет самый емкий рынок машин и оборудования. На долю рынка США приходится более 40 % реализуемой в развитых странах продукции машиностроения. Располагая весьма развитым машиностроением, страна в то же время осуществляет огромный импорт машинно-технических изделий, закупая практически все виды техники. Велик и экспорт изделий машиностроения США, снискавших признание во всем мире.

3.2. Темпы экономического развития

За послевоенный период экономика США прошла **семь экономических циклов**. Шестой цикл начался в **1992 г.**, и фаза подъема экономики по продолжительности (более 10 лет) превзошла среднюю длительность этой фазы во всех послевоенных циклах. Характерными чертами этого подъема американской экономики были стабильные темпы, относительная сбалансированность при отсутствии каких-либо серьезных структурных перекосов в экономике и нездоровых всплесков инфляции.

Среднегодовой прирост ВВП США во второй половине 1980-х годов составил свыше 3 %, в 1994 г. – 3,5, в 1995 г. – 2,7, в 1997 г. – 4,4, в 1999 г. – 4,1, а в 2000 г. – 3,8 %. При этом розничные цены ежегодно росли всего на 3 %, а занятость – в среднем на 1,0–1,5 %. **Норма безработицы** (доля полностью безработных в общей численности экономически активного населения) снизилась до 5,5 %, загрузка мощностей обрабатывающей промышленности находилась на уровне 80–82 %. Настоящий бум переживали капитальные вложения в экономику США. Их прирост после спада в 1990 г. на 1,4 % и в 1991 г. на 6,6 % составил: в 1994 г. – 6,5 %, в 1995 г. – 6,1, в 1997 г. – 9,6, в 1999 г. – 7,8, а в 2000 г. – 6,1 %. Это внушительный аспект здорового экономического роста США.

Седьмой экономический цикл начался с кризиса в 2001 г., когда объем промышленного производства сократился почти на 7,5 % (хотя ВВП возрос на 0,3 %). Падение промышленного производства продолжилось и в 2002 г. (ВВП возрос на 2,3 %). Но во второй половине 2003 г. экономика США вышла из кризиса (прирост ВВП за год составил 3,1 %, промышленного производства – 1,0 %) и начался новый экономический подъем.

В 2004 г. прирост ВВП достиг уровня 3,6 % и затем начал снижаться (до 2,2 % в 2007 г.) В настоящее время, когда в стране произошел ипотечный кризис, фаза подъема стала не столь четкой и определенной, как в предыдущем цикле. Прирост ВВП составит в 2008 г. примерно 1 %.

На темпы экономического роста в США и на общее состояние американской экономики сегодня влияют антитеррористические операции и рост военных расходов. Уже в ближайшие годы военные расходы США достигнут 600 млрд долл. Помимо растущего дефицита внешне-торгового и платежного балансов США сегодня столкнулись с резко нарастающим бюджетным дефицитом и внешним долгом.

Сегодня перед США стоит задача сохранения своих лидирующих позиций в мировой экономике, где растут и укрепляются новые центры как экономической, так и научно-технической силы. О военной и политической силе речь здесь не идет. К тому же в начале 2007 г. экономику США поразил серьезный ипотечный кризис, негативно повлиявший также и на всю мировую экономику.

3.3. Производительные силы

Чтобы правильно понять, как функционирует американская экономика и какова ее роль в современном мире, необходимо рассмотреть **производительные силы** этой страны.

В системе производительных сил любого общества *главным элементом является рабочая сила*, ее численность, структура, профессиональная и общеобразовательная подготовка, мотивация к труду. Общая численность занятых в экономике США составляет около 150 млн человек, почти 8 млн человек – безработные. До начала 1980-х годов занятость в экономике страны возрастала ускоряющимися темпами: в 50-х годах она увеличилась на 11 %, в 60-х – на 18, в 70-х – на 25 %.

В 80-х и 90-х годах этот рост существенно замедлился и составил соответственно 12 и 10 %, что было обусловлено сокращением притока рабочей силы в результате падения уровня рождаемости в 60—70-х годах. В 2006 г. численность занятых в экономике США увеличилась на 1,9 %, в 2007 г. – на 1,8 %.

В изменении отраслевой структуры занятости в последние десятилетия прослеживаются две важнейшие тенденции: резкое сокращение численности занятых в сельском хозяйстве и существенное ее увеличение в сфере услуг в связи с расширением и превращением этой отрасли в ведущую сферу приложения общественного труда. Так, занятость в сельском хозяйстве сократилась с 6,5 млн человек в 1955 г. до менее 3 млн в 2007 г., а в сфере услуг численность занятых возросла с 30 млн человек в 1955 г. до 75 млн в 1985 г. и 115 млн в 2007 г.

Ускоренный рост занятости имеет место в высокотехнологичных или наукоемких отраслях американской промышленности (аэрокосмическая, электронная, производство средств связи, медико-биологическая промышленность и т. д.). Занятость здесь растет в 2 раза быстрее, чем в промышленности в целом.

В профессионально-квалификационной структуре занятости в США преобладающее место уже давно и прочно заняли работники преимущественно умственного труда, или, как их еще называют, **белые воротнички**. Они составляют свыше 60 % общей численности занятых. В эту группу работников включают инженеров, техников, ученых, служащих, административно-управленческий персонал, многочисленных конторских и торговых служащих. Все они являются работниками наемного труда.

Доля работников рабочих профессий (**синие воротнички**) составляет лишь немногим более 25 % общей численности занятых. Она сокращается по мере развития механизации и автоматизации производства, расширения использования современных методов организации и управления производством. Еще одна укрупненная профессиональная категория рабочей силы, которую выделяет американская статистика, – работники обслуживания, к которым относят медицинский персонал, персонал общественного питания (повара, официанты), пожарников, уборщиков, работников домашнего хозяйства (прислуга) и т. д. Они составляют около 15 % рабочей силы страны.

Характерной чертой качественной эволюции рабочей силы в США в современных условиях является неуклонное повышение ее **образовательного уровня**. Только за период с 1970 по 2007 г. удельный вес лиц, получивших среднее образование, увеличился в составе рабочей силы с 54 до 85 %, а получивших законченное и высшее образование – с 10 до 28 %.

Важным фактором прогрессивных сдвигов в квалификации рабочей силы США является **научно-техническая революция (НТР)**. Особенно быстрыми темпами растет численность специалистов принципиально новых профессий, непосредственно связанных с НТП: аналитиков систем, специалистов в области информатики, ЭВМ, электроники, генной инженерии и т. д. Но одновременно под влиянием НТП сокращается потребность в некоторых категориях традиционных профессий и формах занятости, в частности в работниках ручного труда, конторских служащих, низшем управленческом персонале. Коренным образом изменяются содержание труда и функции многих традиционных профессий.

Непременным атрибутом квалификации работника нового типа является его способность быстро адаптироваться к меняющейся технике, новым формам организации труда и производства.

Второй элемент производительных сил США — накопленный основной капитал, т. е. стоимость зданий, машин и оборудования. Как и другие элементы производительных сил, основной капитал в США достигает огромных размеров: в настоящее время он оценивается суммой порядка 40 трлн долл. Среднегодовые темпы его роста достигают 2,0 %. Средний возраст действующего основного капитала равняется примерно 10 годам, а в промышленности – 8. Непрерывно совершенствуется **технологическая структура основного капитала**: растет удельный вес активной части (оборудования). Широкое распространение получили техника и технология новых поколений, основанные на использовании микроэлектроники (промышленные роботы, станки с числовым программным управлением, гибкие автоматизированные системы, системы автоматизированного проектирования и др.). Общий объем продаж автоматической техники с компьютерным управлением составляет ежегодно свыше 15 млрд долл.

Однако использование накопленного основного капитала в производстве (как и трудовых ресурсов) далеко не полное. Так, в обрабатывающей промышленности США около 20 % производственных мощностей либо находятся в резерве, либо простаивают из-за отсутствия спроса. Полностью изношенные (морально или физически) машины и оборудование обычно быстро направляются в металлолом и не «засоряют» производственных площадей. Примерно 1/2 часть текущих капиталовложений (в промышленности – 2/3) направляется на модернизацию и обновление основного капитала и такая же часть – на его дальнейшее расширение.

Третий элемент производительных сил — предмет труда, т. е. сырье, материалы, полуфабрикаты, конструкционные материалы. В результате использования новейших достижений НТП в США происходит постоянное (и порой ускоренное) совершенствование традиционных и массовое внедрение новых методов физического и химического воздействия на сырье и материалы. В результате появляются новые, более дешевые искусственные материалы с заранее заданными свойствами, позволяющие снижать материалоемкость производства, расширять сырьевую базу страны. Кроме того, постоянно совершенствуются способы и глубина обработки сырья. Идет масштабный процесс замены натурального сырья синтетическим.

Особое значение приобретает снижение **энерго- и металлоемкости** производства в США. В расчете на единицу произведенного ВВП затраты энергоносителей (нефти, угля, газа и проч.) постоянно сокращаются. И хотя США имеют довольно расточительные нормы потребления сырья по сравнению, например, с Японией, все же процесс его экономии идет постоянно. Собственные ресурсы полезных ископаемых США предпочитают беречь и, пока позволяет конъюнктура мирового рынка, закупают огромное количество сырья за рубежом по относительно пока еще низким ценам. Так, располагая достаточно большими запасами энергоресурс-

сов, они не менее половины всей перерабатываемой на заводах страны сырой нефти импортируют из других стран.

Что касается сокращения металлоемкости производства, то уже 2–3 последних десятилетия акцент делается не на увеличение выплавки стали, а на повышение ее качества, особенно качества и ассортимента готовой прокатной продукции. В результате общая выплавка стали в США сокращается. Так, в 1972 г. было выплавлено 126 млн т стали, в 2007 г. – 90 млн т при значительном увеличении ВВП страны.

Четвертый элемент производительных сил — НТП, **развитие науки и техники**. Сфера НИОКР, как и всякая производительная сила, становится таковой только в процессе производственного использования своих ресурсов, т. е. соединения науки с производством. При этом размер функционирующего основного капитала не имеет принципиального значения, что дает возможность вырваться в лидеры по отдельным направлениям НТП не только крупным корпорациям, но и небольшим фирмам (подробнее об этом см. гл. 8).

3.4. Финансовая система

Огромную роль в экономике США играет **финансовый капитал**. Общая сумма аккумулированных финансовыми институтами денежных сбережений и доходов огромна. Через каналы американского **кредитного рынка** ежегодно мобилизуется свыше 2 трлн долл. Финансовая система перераспределяет накопление между отраслями и сферами экономики, выступает важнейшим источником внешнего финансирования промышленных и торговых компаний, предоставляет им множество расчетных, посреднических, страховых и иных услуг, опосредуя все фазы воспроизводственного процесса, а также механизм реализации государственных займов. Наряду с коммерческими банками в США действуют инвестиционные банки, а также такие небанковские финансовые организации, как страховые, ссудно-сберегательные компании, частные пенсионные фонды, брокерские фирмы и т. д.

Ядром финансовой системы в США является независимая от правительства **Федеральная резервная система (ФРС)**, выполняющая функции центрального банка США. В состав ФРС входят Совет управляющих, 12 федеральных резервных банков и около 6 тыс. банков – членов.

Совет управляющих ФРС состоит из 7 членов, назначаемых президентом США с одобрения Сената сроком на 14 лет. Председатель Совета управляющих назначается президентом США сроком на 4 года с последующим переутверждением. Пост председателя Совета управляющих ФРС нередко называют второй по важности (после президента) государственной должностью в США.

Совет управляющих направляет денежно-кредитную политику ФРС: определяет нормы резервов коммерческих банков и сберегательных учреждений, утверждает изменения в учетной ставке федеральных резервных банков. Согласно закону о ФРС вся территория страны разделена на 12 резервных округов, каждый из которых обслуживается федеральным резервным банком данного округа. Эти банки являются главными оперативными звеньями ФРС, выполняющими функции центрального банка для своего округа.

Банки – члены ФРС составляют около 40 % общего числа коммерческих банков США, однако на их долю приходится 75 % всех банковских депозитов страны. ФРС осуществляет денежно-кредитную политику государства, воздействуя на экономику не административными, а экономическими методами и рычагами через сферу кредита и денежного обращения и опираясь на приоритет рыночных сил и механизмов. Важнейшими направляющими этой политики являются операции с государственными ценными бумагами на открытом рынке, расширение или ограничение кредита через механизм варьирования **учетной ставки**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.